

СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ

СТИХИ

Псков, 2012

ББК 84
П671

Составитель Андрей Бениаминов
Оформление Андрея Бениаминова

Словенское поле. Стихи. / Сост. А. Бениаминов. – Псков: ЛОГОС Плюс, 2012. – 60 с.

Поэтический сборник «Словенское поле» включает в себя избранную лирику участников одноименного литературного фестиваля, прошедшего 7-8 сентября 2012 года в рамках празднования 1150-летия Изборска. Ряд авторов сборника публикуются впервые.

Всякое коммерческое использование текста сборника – полностью или частично – возможно исключительно с разрешения авторов. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами РФ.

ISBN 978-5-93066-068-9

© Авторы текстов, 2012
© А. Бениаминов, составление, оформление, 2012
© Государственный комитет Псковской области по культуре, 2012
© Псковское региональное отделение Союза писателей России, 2012
© «ЛОГОС Плюс», 2012

СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ – 2012

Этот поэтический сборник – своеобразный итог, заключительный штрих фестиваля «Словенское поле», прошедшего в сентябре 2012 года в рамках празднования 1150-летия зарождения российской государственности и 1150-летия основания Изборска.

Словосочетание «Словенское поле» несет двойной смысл. В первую очередь – это уникальная местность, расположенная на Псковщине, связанная с призванием варягов, становлением Руси, первыми шагами Российского государства. Словенское поле простирается к западу от Изборска. По преданию, именно здесь находилось первое поселение славян-кривичей, именуемое Труворовым городищем. Чуткий слух уловит в «словенском поле» ещё одно значение: «словенское» – от «слово». Именно слову, русскому слову, русской поэзии и был посвящен второй фестиваль «Словенское поле».

И слово прозвучало, и было оно поэтическим. На фестиваль приехали поэты Псковской области, Москвы, Санкт-Петербурга. Состав участников был различен по возрасту и творческому опыту, по стилям и направлениям поэзии. Но общей чертой всех поэтов, собравшихся в прохладный сентябрьский день у стен древней крепости, стала любовь к русскому слову. Звучали стихи об Изборске, России, гражданская лирика чередовалась с философскими размышлениями, пейзажными зарисовками, исторической поэзией и, конечно же, стихами о любви.

Опубликованные произведения, в целом, передают атмосферу мероприятия, ставшего поэтическим праздником, праздником слова и единения поэтов. Недаром организатор и издатель журнала «Поэзия XXI век» и инициатор первого фестиваля «Словенское поле», состоявшегося в Изборске в 2008 году, – Андрей Краденов отметил «особый дух» поэтического праздника и его органичное созвучие с празднованием 1150-летия основания Изборска.

Особо радует, что на приглашение стать участниками фестиваля откликнулись молодые поэты. Для многих из них участие в этом мероприятии стало первым опытом публичных выступлений, а издание в этом сборнике – первой литературной публикацией. Юные звонкие голоса, прозвучавшие в Изборске, позволяют говорить о новой волне молодых, талантливых поэтов и новых именах в литературном творчестве Псковской области, возможно, и России. Я специально не называю эти имена, а даю возможность читателю и критику оценить эти поэтические строки.

Фестиваль состоялся. Он стал серьезным событием в культурной и литературной жизни Псковской области. Мы надеемся, что этот праздник слова станет ежегодным, а выпуск сборника по итогам фестиваля – доброй традицией.

*Председатель Государственного комитета
Псковской области по культуре
А.И. Гольшиев*

В ИЗБОРСКЕ

Золотые, зелёные нити –
Травы дикие, солнечный свет,
Столь дремучих времён перевитье,
Что о них уж и памяти нет...

Перепахано русское поле,
Тронешь землю – лишь прах на руках...
Только ветры всё кружат на воле
Чьё-то слово – пылинкой в веках.

Стены древние – крепости кладку
Не разрушить холодным ветрам.
Прикоснёшься ладонью украдкой –
Колокольню откликнется храм;

И проснётся под лаской живою
Известняк зачарованных плит...
Небо звёздное над головою
Смотрит в душу мою и пьянит.

Пряным запахом росного луга
Пахнут сумерки летних ночей...
Князь, услышим ли нынче друг друга
В тихом звоне Словенских ключей?

Игорь ИСАЕВ (Псков)

Княгиня Ольга рано умерла,
Оставлено варягам государство.
И стольный град, и прочие дела
Поспешно прибирают иностранцы.

Владимир-князь как будто без ума,
Он ищет веры, а находит брагу.
Чухонцы в Пскове, в Киеве – чума.
Полцарства за коня и за отвагу!

И жизни человеческой итог –
Травинка меж замшелыми камнями.
Разбойники засели у дорог,
А раньше были просто соловьями.

Постылая, гнилая суета.
Корчмарь да поп – иного дела нету.
Пойдешь налево – гиблые места;
Пойдешь направо – чаща без просвета.

Богатыри повадились в шинок,
За Родину поднять готовы... кубок.
Меч-кладенец покрылся тишиной
В сырой могиле под могучим дубом.

У лука отсырела тетива,
Стрела сломалась о могильный камень.
Последней сказки сложена глава.
На этом летописец умолкает.

Ни жизни, ни истории, ни слов.
Язык – не русский, но и не татарский.
А солнце все еще восходит вновь
Над разоренным тридевятым царством.

Все уплыло и прошло,
Стало пылью и золой.
Дым Отечества – столбом,
Золотой.

Мы делили синеву,
А она плыла, плыла...
Все, что держит на плаву,
Сжечь дотла.

В «Книге огненных страниц»
Догорает корешок.
Напоследок оглянись –
И пошел.

Все переборем, все перемелем,
Тесто замесим, выпечем хлеб.
Даже в морозы и в злые метели
Жизнь продолжалась на нашей земле.

Были ли брани, были ли сечи,
Всех ли людей собирала чума,
Ясное утро рождал бурный вечер,
Светлой весной сменялась зима.

Боль и болезни в измученном теле,
Ум заплутался в пугающей мгле –
Все переборем. Все перемелем.
Тесто замесим. И выпечем хлеб.

Людмила СКАТОВА (Великие Луки)

ИЗБОРСКИЙ ШИПОВНИК

1

В тот год был щедр изборский к нам шиповник...

А я читала древнерусский словник,
Что на камнях ручьи чертили влажно,
В траве густой (её я в мыслях глажу),
В сурепке тонконогой и лимонной,
В глазах прохожей женщины бездомной,
В усмешке спутника её хромого,
В гудящих башнях брошенного крома,
На крепостной стене, где Временами
Распорядились воздух, ветер, пламень.
И на кресте – там схимником сокрыты
Не тайна, нет, – фрагмент скупого быта.

Каких мы только не касались хроник!..
И ты был рядом – преданный паломник,
Сторонник путевых моих затей,
Радевший о последней красоте.
Ладонью, словно воду, зачерпнувший
Средневековье: гулкий век минувший,
Век слезный, крестоносный и горелый,
С мужицкой костью, но и костью белой!
...Я мну в руке непрочные бутоны,
Вот-вот рассыплются, а благовонны!
Ветров листаю древнерусский словник...
В тот годы был щедр изборский к нам шиповник.

2

Эта тихая древность,
Этот смутный покой...
Здесь бессмертье и брэнность
Спор ведут меж собой.
Всюду грезится парус
Чужеродной ладьи,
И рассыпан стеклярус
То ли звёзд, то ли льдин.
Длится ночь несказанным,
Значит, утром – скажу!
Неспроста к первозданным

8

Я камням прихожу.
Припадаю в поклоне –
Подсмотрите в стихах,
Как на склоне шиповник
Шелковист, желт и... Ах!
Как восходят тугие
Белых риз облака,
Там – я знаю – святые,
Там – я верю – Рука,
Осиянная Светом...
Бьют лучи, что ключи,
И варяжское лето
Входит в дом без лучин,
Жизнь вдыхает, и громче
Глас белеющих гор,
Каждый ключиком – росчерк:
Здравствуй, княже Трувор!

3

Над городищем такая весна!
Пряным безмолвьем и тихим восторгом
Щедрую чашу наполнит она,
Башнями взмоет, извором, Изборском
Влажно вспоёт и сорвётся со скал,
Почерк меняя, но нет перемены
В почерке сем, неуёмном, как время.
И в разнотравье пленительном вал
Тянется, свой приурочив маршрут
К ближнему блеску Словенского поля...
Долы какие!.. Земля – значит, воля,
Камень – знак веры, а брань – только труд.
Посохом старца белеет луна...
Это затишье обманчиво, знаю,
Сколько реликвий я здесь открываю.
Словно и ты вновь, моя тишина!
Над городищем – сады... Дивный сад.
Спелые росы в низовьях сокрытых.
Только не видно, где воинов крипты,
Да и кресты не в достатке стоят.
Старый Изборск – что старинный узор:
Нет пресыщенья и нет оскуденья.
Переливается нежность терпеньем
И препоясан отвагой простор.

Алёна ЖЕГЛОВА (Великие Луки)

В КРАЮ ЛЕСНЫХ ОЗЕР

Окликни озеро в краю лесных озер –
Укажет, как пройти в библиотеку
Извечных книг, и занят кругозор,
Обзор и взор, и дивно человеку.

Раскрытие, как с чистого листа,
Густого леса, памятного бора...
И этой книги – не перелистать.
Пересказать – не хватит разговора.

Вдыхай и льни, и – каждую ноздрей,
И даже – запах типографской краски.
Так, не смогли в краю лесных озер
Не жить стихи и пушкинские сказки.

И пальцем правой, смоченным в воде,
Перелистни, стряхни еще страницу,
Как градусник, который бы хотел
Перескочить возможную границу.

Но и тогда Творцу не в укорот,
Когда из леса – пьяный и ведомый –
Перенесешь черничник в огород
И разведешь бруснику возле дома!

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

Ты знаешь, зачем я жива?
Затем, чтоб смотреть... Смотреть
На звезды и на слова,
В которых тех звезд на треть.

Ты знаешь, зачем я жива?
Затем, чтобы гость – не в кость,
Которую нажила
Из ребер да на авось.

Ты знаешь, зачем я жива?
Затем, чтоб растить-растить,
А после – сопрут же, а?! –
Отдать или отпустить...

Ты знаешь, зачем я жива?
Затем, чтобы выдать здесь –
Из ковшика в жернова
Эпохи – ум, совесть и честь...

С последней пережевав –
Жаль, первое не вино –
Все то, чем еще жива,
Эпоха постится, но...

Не знает, зачем я жива.
Ей – с опытом – невдомек,
Что опыт – как тетива:
Направлена наутек.

И фокус не в том, что жива,
А в том, чтоб потом стереть
На звездной доске слова,
Когда их уже – на треть...

И снова живот вжимать,
А это совсем пустяк,
Поскольку уже – мать –
Которая на сносях!

Татьяна КИТАЕВА (Москва)

ТРИПТИХ

Сперва закончатся сигареты, потом вино, а потом неделя... Я буду хныкать, что надоело, начну стучаться в окошки ветром и, как в дешевеньком сериале, растекшись нежностью и тоскою, красиво вздрагивая плечами, – полночи страстно молчать тобою. Смывая утром ошмётки ночи, на автомате сварю твой кофе. Застыв над чашкой, поймаю профиль, тобой мелькнувший, похожий очень. Потом закончится даже это. И ничего уже не начнётся. Я буду кутаться, как от ветра, я буду слушать, как он смеётся. И без каких-то сюжетов жанра, и днём, и ночью, и днём, и ночью, я буду разной, я буду странной, я просто буду – и многоточье. Когда закончится всё, и время, и многоточье точить устанет, ты вдруг отыщешь забытый берег. И завоюешь одним лишь «Таня»...

Последний шанс остаться на мели, и в поисках незанятого чуда скулить, чтобы явилось ниоткуда – как будто сделали, и даже – что могли. Чтобы прошло, когда уже не ждали – без препинаний, знаков и отсрочек. Чтоб джокеры представились шутами, а дамы вышли замуж, но не очень. Набрать с тоски давно забытый номер – вот это номер, скажете, набравшись. А под ребром уже почти что помер тот самый бес, так истово толкавший... Сюжет сужает горизонт строки – так время мается, соприкасаясь с былью, так мальчик улыбается: а был ли? Так воздух щедро в чепчики бросают... Так дышится свободно на краю, когда уже и мысли онемели. Так осень, сделав мертвую петлю, кидается, соскучившись, на шею.

(KaliYuga)

Я отведаю то, что когда-то могла творить, и тебя закольцую твоей и своей свободой. Я исчезну из жизни, но ты на меня не смотри – я стесняюсь, тушуюсь и просто не знаю брода, и не ведаю вед, не помню себя и все, что в последний период совпало с моим столетием. На прощание – можно? – тебя заласкаю бессмертием. И еще поцелую... Еще поцелую... еще...

Мир, как взятка, алеет потертостью от щеки. А война просыпается только – ей не к спеху. Если б мама сказала греку – не суйся в реку, может, и не завелись бы на дне рачки.

А бывает еще и так, что уже совсем. То есть перепись населению не грозит. Или чувствуешь – остается один санскрит. Или помнишь – останется лишь избыток тем.

Отведи мою душу, пожалуйста, отведи в наш последний, значит – первый период жизни. Извини, мне совсем не хочется быть капризной.

Отведи туда, где все еще позади.

Александр ПЕТРОВ (Псков)

Вот, уже не спится с пяти утра,
И мне не спиться, а в чем подвох,
И жизнь не жизнь, и смерть игра,
И за окном пернатый переполох.
И черный кофе срывается в водопад,
И черный юмор, спасение от обид.
Ты знаешь, пока не встретились,
мир был ад,
Теперь мой ад аккуратно в коробке спит.
Переплетение мыслей, глотков и рифм,
И в промежутках блуждающие огни,
Какое имя смешное я вдруг услышал
сегодня – Клим.
К чему все это, не знаю, но говори.
Вот так с утра, в наступающий новый день
Я захожу, не стучась, как к себе домой.
А где до этого я болтался, где?
Уже не помню, но, видимо, был с тобой.

Пиши, пиши
по радостной бумаге
по жизни
по любви
пиши, пиши
по счастью
по печали
по отваге
для всех
для нас
для них
и для души
страдая
радуясь

рыдая
восхищаясь
пиши
ломаю
девственность листа
такое никогда
не забывают
такое
может
даже
не простят
но
точно
никогда
не позабудут
не смогут
не решаться
не пройдут
и лишь
глаза
Нефритового Будды
тебя
в толпе
спешащих
позовут.

Андрей КРАДЕНОВ (Москва)

ЛИХОЛЕТЬЕ ВРЕМЁН

Лихолетье времён,
Мимолетность имён,
Ни объять, ни заплакать, ни клясться
Средь шумного бала.
Он красив и умён,
Он тобою пленён,
Но ему суждено оставаться
Внутри интервала.

Вправо – влево – занос,
И, целуя взасос,
Он пытался порвать свою цепь,
Что звенелодержала,
Он пытался снести
Все преграды с пути,
Но по-прежнему голая степь
Посреди интервала!

Неизбежен рассвет,
Если выхода нет,
Бей, круши, разбивай все, ори,
Начинай все сначала!
Нет времён, нет имён,
Важен только разгон!
И не смей оставаться внутри
Своего интервала!

ПОСЛЕДНИЙ АККОРД

Я от злости звеню, как гитары струна,
В моем голосе сталь, в моей песне война,
Крик души издает перекошенный рот...
И звучит мой последний смертельный аккорд!

Ни любви, ни добра, только злоба и тлен!
Я встаю, посмотри, подымаюсь с колен!
Захлебнусь? Ну и пусть – не забудет народ,
Как звучит мой последний смертельный аккорд!

Музыкант! погоди, поослабь свой накал,
Вжался в кресла народ, наполняющий зал.
Намекни, обозначь от беды поворот,
И ударь знаменитый последний аккорд!

ПАМЯТИ САВВЫ ЯМЩИКОВА

На что вам, братья, земная слава?
Эх, жизнь – шалава!
Не стало Саввы!
Мне жизнь – подруга,
А смерть – сестренка,
Ну что, сеструха!
Взяла миленка?
Потешься, право,
Мужчина видный.
А коли в жилу, так не обидно!
Не повернутся вспять реки Пскова,
Мабудь, без Саввы, без Ямщикова.
Крученный дядька, куда уж круче!
Застили солнце мне злые тучи!
Десятки, сотни изображений
Донес до нас он без искажений...
Гуляй, стихия! Рыдай, держава!
Россия стала бедней на Савву!..

Вера СЕРГЕЕВА (Псков)

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

Над старым Псковом – колокольный звон
Под парусами радости и боли...
То неземная музыка, то стон –
Изведал на веку он всякой доли.

Он звал народ в дни праздничных торжеств
В храм Божий на богослуженье,
И разливался медный гул окрест,
И в душах скорбь сменялась утешеньем.

Он умирал, казнённый палачом
Надолго смолкнув в старых колокольнях,
Кривых, разбитых, как параличом,
Заросших буреломом троп окольных.

Стою у храма. Тихий снег, как сон...
Не слышно звуков шума городского.
Возрадуйся, народ! Воскресший звон
Торжественно плывёт над нашим Псковом...

Русь моя, тыщекрылая мельница,
Боль-беда в жерновах твоих мелется.
Облапошена ты, вся обшарена
И своим, и чужим полушарием.
Ты больна подлецами и хамами,
Ты сильна мудрецами и храмами.
По-есенински – светлая, нежная.
А по-разински, Русь, ты мятежная.
Ты извечно с судьбою польнною,
Ты извечно с тоскою былинною,
И душа твоя вечно скорбящая,
Потому, знать, ты, Русь, не пропащая!

Храни меня, мой талисман...
А.С. Пушкин

Храни меня, мой крест нательный,
Мне светом истины свети.
И в ясный день, и в день метельный
Не дай упасть мне на пути.

Я жизнью ласкана и бита,
Судима Богом и людьми.
И прегрешения прими ты,
И покаяния прими.

Веди по жизненному кругу,
С врагом без брани разведи.
И от завистливого друга
Меня ты, крест мой, огради.

И от бездомного скитанья,
И от безумного глумья
Ты до последнего дыханья,
Нательный крест, храни меня.

И после там, где будет надо
Пройти сквозь пекло лютых мест,
Ты будь великою заградой,
Мой маленький нательный крест.

Андрей МИШЕНЦЕВ (Псков)

За все Тебя благодарю.
За все стихи и ворох песен,
За мир, что утром так чудесен,
За жизнь уставшую мою.

За то, что все еще пою,
За то, что я в себе метаюсь...
За то, что просто улыбаюсь,
За то, что трепетно люблю.

Ритм биения Сердца
Ведет мою Линию Жизни.
В момент, когда падают листья
И клином проносятся стаи,

Играет мелодию Скрипка,
И дышат так трепетно струны.
Я словно мечтаю растаять,
Согревшись в ладонях у Бога.

И Жизнь привести к абсолюту
Тепла и гармонии в Сердце.
Желая отдать непременно
Радость в открытые Души.

Шепотом, тихо, с надеждой
Я к вам обращаюсь: «Простите...»
Ведь вы так чисты и прекрасны
В момент, когда падают листья.

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТ

Кленовый лист падал,
Так нежно на стеклах сгорая.
И пламенем теплым
Струилась осенняя гладь.

Кленовый лист падал,
Прощально от нас улетаю.
И слезы печально
Роняли стихи на тетрадь.

Осенние чувства
Вдохнули в лиловое небо.
И огненной птицей
С ветвей взлетали стихи.

Над городом... Ночью...
Кусочками лунного света,
Золою беспечной
Он падал на простынь реки.

Кленовый лист падал,
В лучах полыхали равнины.
И плакала осень
Иконой, горела свеча.

Листою опавшей
Художник украсил картины.
Так искренне... Кротко...
Стояла она у окна.

Наталья ЛАВРЕЦОВА (Пушкинские Горы)

БЕЛЫЙ ВСАДНИК

*И где гибли русские витязи –
понимались на Руси храмы высокие.*

И, распахнув объятье автотрассе,
Навстречу псковской выехать весне,
Где белый аист кружит в белом вальсе,
И белый Храм привстал навстречу мне,

Чуть сдвинув набок шлем, в веках пробитый,
И показалось в сумерках огня:
То воин, захмелевший после битвы,
Глаза прищузив, смотрит на меня.

А у черемух – пьяные объятья,
О встречный взгляд обжечься не хочу...
Уже сирень вот-вот примерит платья,
Зажжет закат венчальную свечу.

Гуди, весна, играя куполами,
Греми, Гремячей выправляя стать.
Пусть навсегда останется меж нами
То, что ты мне успела рассказать:

Как разбивались о кольчугу стрелы,
Но враг напрасно метил самострел:
Летел над куполами всадник белый
И вдаль сквозь порох времени глядел.

Им не стоять на пышном пьедестале –
Сгоревшим в схватке, в огненной пыли,
Тем воинам, что не легли, но – встали,
Здесь навсегда на рубежах земли.

Так подымались Храмы – как поэмы...
А я опять все вижу издали
Чуть набок лихо сдвинутые шлемы
Усталых победителей земли.

ПСКОВСКИМ НАЗВАНИЯМ

В расточительной зелени Пскова
Закружились церковей купола.
Храмы меряют платьев обнови,
Что росистая ночь принесла.

И летит и звенит над Великой
Тех раздольных имен благодать:
«Со усохи», гора Соколиха,
Где встал Невский просторам под стать.

А Мирожка звучик как «морошка»,
Снетогорский привстал монастырь
Так на цыпочках, так осторожно,
Чтоб не смять придорожный ковыль.

А над улицей Радостной песня
И не спетая – вольно звучит!
Виснет Завеличье в поднебесье
И роняет на землю ключи.

Светлана ПАРАМОНОВА (Великие Луки)

Алексею Большакову

Стога, стога, поля, поля и небо,
И деревенский домик у пруда,
И банька малая – как та краюшка хлеба,
Что зачерствела, прям таки беда.
Покрылась мхом частица очищения,
Но знает службу верную, хранит
Исконное своё предназначение,
Лишь затопи – как славно задымит!
И примут тела благословенья,
Соединясь с природной чистотой,
Меж облаков лоскут – лучей свечение,
С небес взирает праведник святой.

Снега молчат. Вверх тянутся деревья,
Да шёпот ветром тронутой листвы...
В глухой деревне так вольны мгновенья.
Судьба-ткачиха ткёт свои холсты.

Судьба мудра, плотны переплетения –
Цветенье памяти на пёстрый половик.
Он выстиранный сохнет, с упоением
На солнышке к заборчику преник.

Творение тёплых рук и человеческой
Неуспокоенной, загадочной души
Воссоздаёт любимое отечество,
Мгновенья здесь просты – тем хороши!

Есть мир иной, надёжной бесконечности –
Не где-то он, не упусти узреть,
По большаку – пути заветной вечности
Господь ведёт поправших тлена твердь.

К ЗЕМЛЕ ИЗБОРСКОЙ!

Тысячелетие на славном рубеже,
Здесь, на краю страны Гипербореи
Тот врёт, кто скажет: «Крепость ли уже?»
Есть стяг над башнями,
и он державно реет!

Мечи звенели, если шла беда,
В щиты стучатся прежние столетия.
Вот – русич, защищавший пядь тогда,
В години изначальных лихолетий.

Дружина и крылатых миллион –
Единым Богом избранное племя.
Северо-Запад тех былых времён,
Духовная основа в наше время.

Стремительно движенье в облаках,
Благословенье из земли, потоком.
Оно в Словенских избранных ключах,
А не в напрасных словесах потопах.

О, крепость, защити нас от глумления,
От лицемерия, наветов алчной лжи.
Они – враги страны и поколения.
К любви и правде путь свой укажи.

Рябиновая башня, ты подскажешь.
А Героическая, залп сигнальный – твой,
Труворов крест присягу дать обяжет:
Вновь победить с Россиею Святой.

А кровь, что в нас жива от добрых генов,
Она по-прежнему стучит, стучит в висках:
Я знаю – будут скоро перемены!
Собор Вселенский явлен мне во снах!

Фёдор НАЗАРОВ (Москва)

ПЕРВОГО ДНЯ

Брось, говорю ему, хватит и этих двух.
Справься хотя бы с ними, потом твори.
Землю твою скрывает небесный пух.
Серые камни, битые янтари.
В мёртвых прогалинах неразличимый цвет.
Не разглядеть ни черни, ни белизны.
И ощущение, будто бы тьма и свет
Не до конца тобою разделены.

Просека жизни как проба его пера,
Вырежут лезвием – и не найдешь причин.
В краденый полдень высший конгломерат
Установил лимит золотой парчи,
Выпростал ливнями отступы между строк,
Переиграл абзацы на злобу дня,
Вычеркнул солнце и отменил восток –
Всё, что так не зависело от меня.

Веки закрой, снеси меня в глухомань,
Пусть это будет лодка, ладья, паром,
Стража сполна получит литую дань –
Золотом вымолчу, выскажу серебром,
Ладан возьму в ладони, приму конвой
Млечным этапом по тракту пустых пальмир,
В ноль, где великий слепоглухонемой
В каждом движении новый свершает мир.

МАРИЯ

Паганель изучает прах, изучает дым.
Вспоминает себя как Якоба, душит злость.
Он хотел умереть здоровым и молодым.
Ни одно из желаний, якобы, не сбылось.

Он берёт мышьяк, отмеривает на глаз
Там, где нужно уже отпаивать на глоток.
Всё когда-нибудь происходит в последний раз.
Всё когда-нибудь упирается в потолок.

А она говорит: с тобой никаких табу.
А она говорит: никакой тишины с тобой.
Я любовь до гроба видала уже в гробу.
Я любви до гроба не стала уже рабой.

А она говорит – Колумб, говорит – Ясон,
Никаких, говорит, табу, никакой любви.
Говорит, говорит и уходит в глубокий сон,
Променив на текилу последнего визави.

В предпоследнюю дату земного календаря
Все углы разгладились, снизился весь накал.
Это время проводит смену инвентаря
И, меняя расклад угольников и лекал,

Обращает края в округлости, воду в лёд,
Обращает столпотворение в немоту.
И никто ни по ком не плачет, никто не ждёт.
Ни по эту сторону вечности, ни по ту.

А потом говорит, иди, говорит, уйди.
Не пылает уже огонь, не лежит душа.
Как же стали исповедимы твои пути.
Как привычен и предсказуем стал каждый шаг.

Стану прошлым. Холодной памятью. Янтарём.
На прощание улыбнусь уголками глаз.
Даже если мы не изменимся, не умрём,
Всё когда-нибудь происходит в последний раз.

Яна САВИНОВА (Санкт-Петербург)

ОСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ С ДЕРЕВОМ

Лил дождь, а дерево горело.
Опять горело под окном.
Свет лампы, звяканье тарелок
И разговоры об одном

И том же продлевали вечер,
И время медленно текло.
И был пейзаж увековечен
В оконной раме. За стеклом

Желтел фонарь на повороте,
А заштрихованный дождем
Многоэтажный дом напротив
Был отражением рожден.

Там так же звякала посуда.
А силуэт в чужом окне,
Туда заброшенный отсюда,
Смотрел на дерево в огне.

Сняв со стола патефон, со стены рога,
Сдав накануне полсотни пустых бутылок,
В зеркале времени вместо лица врага
Ты видишь лучшего друга седой затылок.

Дверь за собой не закрыв, через черный ход
Вышел не попрощавшийся век двадцатый.
Ты же остался, ты все еще здесь, и вот
Дышишь. Один на один со своей досадой.

Что-то доказывать? Все это так, возня.
Как же тебя угораздило здесь остаться?
В комнате, где под кроватью живет сквозняк.
В непрезентабельной роли больного старца.

Слушать, как сердце дает сорок пятый сбой.
Греть на запущенной кухне свои обеды.
Щелкать каналы. К утру над самим собой,
А не над кем-то другим отмечать победы.

Впрочем, другие? Других и в помине нет.
Сколько их было? Как меди в твоём кармане.
Раньше был шелест купюр. Нынче звон монет.
Может, опять на орла? Так опять обманет.

Знать, что ту лестницу, плывшую подшофе
В N-ном году, ты прошел на четыре трети.
Пить валидол. Стороной обходить кафе.
Чтоб, удивившись, однажды себя там встретить.

Видя, как кривит барменша капризный рот
И пробивает твои «полторы котлеты»,
Ты безразличен. Но крутят в бараний рог
Тени бывшего, плечистые, как атлеты.

А по Садовой уходит твоя любовь.
Хочешь догнать, но подводят больные ноги.
Значит, так надо. А, помнится, как любой,
Ты был немного любим и любил... не многих.

Их силуэты скользят вдоль другой Невы.
Душно. На Марсовом поле горит трава, и
Кто-то стоит у огня, но не вы, не вы.
На Миллионной уже не гремят трамваи.

Выйдя из прошлого, выбросив свой багаж,
Не отягченный грядущим, ты вновь свободен.
Город, тебя обсчитавший, как тот торгош,
Вслед узловатые руки мостов разводит.

Андрей КАНАВЩИКОВ (Великие Луки)

ВЕЧНАЯ РУСЬ

Я – русский, чистой русской крови,
Из деревенских русских мужиков,
Ничуть не мягче, не суровой,
Чем повелось в дали веков.

Мне Русь моя – не мода, не игрушка,
Не философски-навороченный изыск,
Она проста: речушка да избушка,
Да у колодца искры ярких брызг,
Где свет зари, разлившийся над лесом,
Да соловьиный свист в ночи.
И эта Русь со мною вместе –
Ни разделить, ни разлучить.

Какой ни выстрой ты забор,
Он тленьем и тщетой отмечен.
Русь не погибнет до тех пор,
Пока я жив, а я с ней вечен!

ЗАПАД

Умом Россию не понять,
Когда понять и не пытались,
Когда хотели бы обнять,
Да так с хотеньем и остались.

И снова руки режет сталь,
Отец гордится блудным сыном,
Где лишь цепочка без креста
С нелепым, сломанным аршином.

ИЗБОРСК

Позже славу мечами бряцать,
Позже свой возводить монастырь,
Только прежде должны подняться
Труворовы кресты.

Напитаться солнечной силой
Чистых рощ из курганов-могил,
Чтоб коней своих юный Ярило
На заре напоил.

Чтобы знали, чего не хочется,
Прежде чем колокольный гул
Расплескает берёзками рощица
На другом уже берегу.

Рати чёрные тучами хмурыми
Застят солнце на знамени войск,
Устоит только княже Трувор,
Устоит и его Изборск.

Где туманами белыми стелется
Поле звёздное в дымке мерцать,
Крепостными поднимутся стенами
Православных русских сердца.

Исчисляться отныне тысячами
Будут годы Руси, что чисты,
Не напрасно из камня высечены
Труворовы кресты.

Не напрасно поля колосились,
Не напрасно студёный бег вод,
В нас медово-ржаная Россия,
Изначальная Русь живёт.

Не напрасно мечи в ножны вложены,
Душ смиренных податливый воск,
Люди русские – дети Божии,
Город избранных – город Изборск.

Андрей БЕНИАМИНОВ (Псков)

Молотом по наковальне –
звон пошел,
Где-то за заставой дальней
хорошо...
Спят поля, и дремлет хата,
меркнет свет.
– Хорошо лишь там, ребята,
где нас нет.

От вопросов до ответов
длинный путь,
Но опять холодный ветер
студит грудь,
Дым да гарь с востока гонит –
не до сна.
В пене конь, и ранен конник –
знать, война.

Там, за дальнею заставой,
у межи,
В вязкой лужице кровавой
брат лежит.
Половецкою стрелою
сбит с коня –
Значит, нынче ветер воет
про меня.

Молотом по наковальне –
будет меч.
Время на заставе дальней
в землю лечь...

А тишина осталась тишиной,
Хотя её стреляли и взрывали,
В неё орали, брызгая слюной,
Её не раз сиреной разрывали,
Неоднократно мучили войной.

Но тишина осталась тишиной...
И в той тиши лишь шёпот откровений
И звуки уходящих вдаль сомнений,
И воздух, очарованный весной,
И ты в обнимку с ветром и со мной.

Ведь тишина осталась тишиной,
А значит, есть надежда на восход,
На то, что снова сердце запоёт,
На радость встреч, объятья под луной.
На тишину, что будет тишиной...

ПЕРЕКРЕСТИМСЯ?

Старый сор да хлам – из избы долой,
По больным местам – кипятком-смолой,
Былью-небылью, болью дикою –
Из огня костра, да в Великую*.

Белым полем путь, грязью-жижено,
Гонит горем нас с мест насиженных,
Русской поступью да лихой бедой:
Кости рассыпью по земле святой...

Что мерещится? Что там чудится?
Перекрестимся...
Может, сбудется?

*Великая – река в Псковской области.

Вита ПШЕНИЧНАЯ (Псков)

СТАРЫЙ ИЗБОРСК

Мерещатся древние стены,
Сухой известняк, и в пыли
Дороги – как вздутые вены
Моей ненаглядной земли.

Иду, куда сердце подскажет,
Вдоль озера, мимо ключей,
И речь мою холодом свяжет
Пробившийся к свету ручей.

Подальше от мира и люда,
Поближе к началу начал,
Туда, где когда-то, как чудо,
Меня птичий гомон встречал...

Теснят городские трущобы,
Оковы сомнений прочны,
И золотом стёршейся пробы
Слепят окаянные сны...

КРЕЩЕНИЕ

Смутно помню – небо синее,
Шепот люда за спиной,
Купола в колючем инее
Возвышались надо мной.

Все, что было мной загадано,
Что сбылось давно уже,
Терпким ароматом ладана
Разливалось на душе.

На молитву приглушенную
Отзывался сердца стук,
Я несла свечу зажженную
На последний, третий круг.

Навести бы курсор на этот день,
Выделить, нажать delete бесстрастно –
В бестолковой будничной череде
Иногда становится жить опасно.
Да что там жить, если глубокий вдох
Новый приступ астмы вызвать может.
И кажется, стержень внутри иссох,
И совесть всё реже и реже гложет...
Разлеглась где-нибудь невдалеке
И с сытым презрением наблюдает,
Как второпях и налегке
Человек сам себя покидает...

...И под шёпот разногласный
Я коснусь Твоей руки:
«Свете тихий, Свете ясный,
Если можешь – помоги...»

Я выхаживаю молча
Боль Души – за кругом круг,
Что там Ангел мне пророчил –
Щепоть счастья? Горсть разлук?
Я ступаю осторожно –
Боль Души свечой горит,
И о чём-то невозможном
Оплывая, воск твердит.
Шаг, второй... И – замираю,
Но услышать – не хочу:
Не по кругу, а по краю
Я несую свою свечу...

Людмила ТИШАЕВА (Псков)

ТРУВОРОВ КРЕСТ

«Царь... Славы... Ника...
Иисус Христос» –
Гляжу на крест пятнадцатого века
И задаю сама себе вопрос:

«Кто под плитою древней упокоен
И спит под нею много сотен лет?»
Гласит преданье: Трувор – князь и воин.
Возможно – да, но, может быть, и нет.

Здесь городище Труворово рядом –
Оноросло корнями вглубь земли:
Огромный холм, что не окинешь взглядом,
И белый храм со звонницей вдали.

Раскину руки, словно птица крылья,
И приложусь к целебному кресту,
И, наполняясь небылью и былью,
Святой земли впитаю красоту!

ВЕЧЕР

Выпив сока вишнёвого лишку,
Солнца диск прислонился к горе,
Вспыхнул, будто
влюблённый мальчишка,
Позабыв о вечерней поре.

Длинноногие бросились тени
От хозяев своих наутёк —
Им даровано только мгновенье,
Чтобы воли отведать глоток.

Через миг заспешит с небосвода
Раскрасневшийся солнечный шар;
Окунувшись в прохладные воды,
Он закатный потушит пожар...

ИЗБОРСКО-МАЛЬСКАЯ ДОЛИНА

Холмы, пригорки и низины,
Тропинок тонких паутины,
Часовни, башенки, церквушки,
Озёра, речки и речушки,

Ключей целебное монисто
И змейки пёстрые туристов –
Такою видится долина
Летающей стае журавлиной.

НЕ ОБОЗЛИСЬ, ДУША

Не обозлись, душа, не обозлись –
Пускай судьба с судьбою разошлись,
Или обидел чем-то лучший друг,
Или удача вырвалась из рук.

Не обозлись, душа, не обозлись –
Синице упорхнувшей улыбнись:
Прислушайся, как песенка звонка
Той пташки, что взлетела к облакам.

Не обозлись, душа, не обозлись –
От друга сгоряча не отрекись;
И слово долгожданное «прости»
Ты за него сумей произнести.

Не обозлись, душа, не обозлись –
Своим невздам в ноги поклонись:
Судьба, что бьёт так больно, всякий раз
Усиливает прочности запас.

РОДИНА

Родина, отчие дали
И материнская близь.
Листьев осенних сусали,
Звёздно-бездонная высь.

Родина, родственность в слове,
Родом чтоб связывать нас.
Травки зеленые брови,
Синь незабудковых глаз.

Рдеет брусника и клюква,
Выпь на болоте кричит.
Родина-Русь, первобуква
Радостно, громко звучит.

Ты мне позволь, наша слава,
Руку герою пожать.
Родина – это держава,
Что нам навеки держать.

НЕИЗБЫВНЫЙ ДУХ

Берег неухоженный, камень и колодина,
Узкая полоска с дикой черемшой.
Я к тебе приеду, маленькая родина,
Через перепутья Родины большой.

Осмотрюсь маленько – все не так, как было,
Горькую запущенность не ругаю вслух.
Ощущаю сердцем то, что с детства мило –
Древности родимой неизбывный дух.

Никуда не делось невельское озеро,
То волной ласкает, то волной кипит.
В зарослях осоки это не коррозия –
Камышей коричневых то привычный вид.

С милыми картинами я душой не бедствую,
Дом зовет приметами родственных корней.
И соседа доброго я опять приветствую,
Словно представителя родины моей.

НА ВЗГОРКЕ

Идем на взгорок. Ровными местами
За ним тропинка не одна бежит.
Проселочная Русь между полями,
Меж деревнями, тихая, лежит.

На взгорке резвый ветерок повеял,
Здесь можно осмотреться и присесть.
А кто-то поле все-таки засеял,
К земле призванье не исчезло, есть.

Быть может, в людях воспарит надежда,
Посадят зло, как в петлю, на крючок,
Поскольку Геростраты Беловежья
Разрухе дали болевой толчок.

А с кривдой тошно жить, а с правдой – больно,
Отсюда непорядок в голове.
На взгорке нам и колокольцу вольно,
Ладошкам подорожника в траве.

Нам шепчет нива – хватит, посмотрели
И деревенскую постигли суть.
Мы здесь обняться душами сумели,
Обнимемся и с полем – в добрый путь.

Над речкою туман клубится, словно ладан,
Кругом природный рай да божья благодать.
Россия – это сон, который не разгадан.
Прснувшись надо, чтобы разгадать...

Эдуард ПЕТРЕНКО (Печоры)

ОТСЮДА РУСЬ!

Отсюда Русь! Здесь славянин оседлый
Взглянул на мир с Жеравьей высоты,
Здесь русский витязь с возгласом победным
Ломал мечом ливонские щиты.

Словенских родников вода живая
Спасала изборян в боях не раз...
Да, здесь начало нашей ратной славы,
Огонь, которой никогда не гас.

Здесь в древних башнях замерли столетья,
Что жизнью наших предков скреплены,
А в камне стен – и память ратной смерти,
И радость простодушной старины.

Но витязей тот клич непобедимый
Обрел сегодня животворный звук:
Вновь над изборскою землей неухватимо
Несется, торжествуя, русский дух!..

РОВЕСНИК ПОБЕДЫ

Я мир узнал, не зная той войны,
Родившийся в далеком сорок пятом,
Я стал ровесником победной той весны
И внуком не пришедшего солдата.

Я стал наследником обугленных руин,
Сожженных нив, расстрелянных селений,
Я, как святыню, эту жизнь хранил,
Спасенную тогда в огне сражений.

А песней колыбельной мне была
В окопах закаленная «Катюша»,
В ней сила наша, русская, жила,
И русский дух, что враг не смог разрушить.

Я с детства ненавижу ту войну,
И очень часто, онемев от боли,
За всех бойцов я чувствовал вину,
В бессмертие ушедших поневоле.

Я мир узнал, не ведая войны.
Родившийся в заветном, сорок пятом, –
Я – кровь и плоть победной той весны.
Я был всегда, страна, твоим солдатом...

† † †

Если будет Россия,
Значит, будешь и ты!
Собери только силы
У последней черты.

Видно, русичам снова
Подниматься на бой
За обитель-основу,
Что зовется страной.

За избитые судьбы,
Душ поверженных сбой,
Не терять только путь бы
Нашей правды святой.

Если Русь не убудет,
Не сотлеет во прах,
Значит, русские люди
Не исчезнут в веках.

Если будет Россия,
Значит, будешь и ты!
Собери только силы
У последней черты...

Когда уходят рожать,
То за руку нежно держать
И на ухо надо шептать...
И долго под окнами ждать...
И в шуме зеленой воды,
И в плеске текущей листвы,
В неожиданный миг –
Услышать свой
новый
крик!..

И тот,
кто ходил
убивать –
И крик
вмерз в дно его глаз –
Он
разницу
уловить –
Сумеет –
На
этот раз....

Андрей ВЛАСОВ (Великие Луки)
1952–2008

Когда твоей крестной муки срывают кран
и гонят тебя, как зверя, на твой распыл,
Пилат умывает руки: «Ты выбрал сам» –
как будто на деле верит, что выбор был.
А был тебе голос тайный, что выбор – грех
и что не дано иного. Пусть мир оглох,
есть только предначертанье и боль за всех,
покуда ты верен Слову, и Слово – Бог.

Все пройдет и проходит, а Ты проходить не спеши,
коли наша звезда отвернулась от нас и ослепла:
на краю милосердия, на скудных последках души –
все равно устоим и опять возродимся из пепла.

Революции, смуты, бесстыдь, крохоборство «реформ»,
прямизна послесловий и витиеватость прелюдий,
все сведется к тому, чтобы мы добывали прокорм
для себя и своих оголтелых кормильцев и судей.

И опять, путешествуя из ниоткуда в нигде,
в череде коренастых дождей и лубочных картинок,
насквозь зубы нацеженных сотках, в подушной узде,
ковыряя запущенный, затравенелый суглинок,
обживаем свой угол, врастаем в сермяжный уклад,
забываясь на ноте простой и суровой.

И пытливое небо вбирает рассеянный взгляд
стороны робинзонов, где все по нулям и по новой.

Никакая польза или выгода,
не до дыр затверженный урок,
это жажда жажды, жажда выхода,
откровенья, омовенья впрок.

Капельное, точечное, узкое,
сквозь тебя – едва, едва, едва,
это не виденье и не музыка,
непереводимое в слова.

Это нечто долгое, тягучее,
метроном, морзянка из нигде,
воля волн и токов, воля случая,
поворот к оставленной звезде.

Это нечто вроде растворения
в глубине последнего глотка,
это непомерно и вневременно,
ибо вечность слишком коротка.

Жизнь катится под гору, словно состав в благодать
надежного берега, где не до жару и жиру.
Осталось немного. Осталось остыть и отдать
последние почести трудному мудрому миру.

А коли на то не достанет ни сердца, ни струн –
природа мудра и – по счастью – пустот не приемлет,
и в зыбке Господней болтается новый болтун,
и ангел витает, и змей-искуситель не дремлет.

**Стихи Андрея Власова на фестивале «Словенское поле» читала
Алёна Жеглова.*

Ирена ПАНЧЕНКО (Псков)

В ИЗБОРСКЕ

Легко плывут над Мальским облака.
То – отражение: взгляни – по водной глади
Две гордых птицы в свадебном наряде
Скользят, волнуя гладь воды слегка.

Журчанье струй, отрада и простор –
Как в час Божественного мира сотворенья!
Но не единожды в веках здесь шли сраженья,
А тишина – как прошлому укор.

Тропою торной к крепости иду –
Как мощно взмыли в высоту руины! –
Возникнут зримо прошлого картины,
Когда к стене, что в ранах, припаду...

Звон с колокольни церкви, звон мечей,
И стоны, и команды, гром орудий...
Здесь смертный подвиг совершали люди,
Чтоб не отдать врагам земли своей.

А мы туристами идём вдоль древних стен,
Здесь тихо так, волшебю и прекрасно,
И мнится: будет в мире безопасно,
И от судьбы не ждём мы перемен.

Уж так ли благостно у западных границ?
Европа предавала не однажды –
История Изборска нам расскажет,
Какие ветры мчат заморских птиц.

На страже быть, чтобы сберечь свой дом,
И дух крепить нам завещали предки,
А раны стен – истории пометки.
Изборск в дозоре. Вечном и святом.

*Возле одной из башен
Изборской крепости
стоит часовня – памятник
архитектуры XIV века.*

Выбегала резво на пригорок
Не грустить – землёй полюбоваться.
Край родимый не оглянesh скоро,
Взору от него не оторваться.

Замерла – девчонка в белом платье,
В голубой косынке яркозвёздной.
Так стоит века. И так стоять ей
Жарким летом и зимой холодной.

...Суровела ты, всё понимала,
Если враг ступал на нашу землю.
Воинов на бой благословляла,
Словно мать, их боль и гнев приемля.

Давнее открылось в век крылатый:
Был твоим отцом народ-умелец,
От природы-матери взяла ты
Чистоту и ласковую прелесть.

Ликом и душой на них похожа.
Задержавшись у крутого склона,
Прошлым ты сердца людей тревожишь,
И как мир – светла и непреклонна.

Валентина АЛЕКСЕЕВА (Псков)

СТРАНА КАРАМАЗОВЫХ

Мы с этой землею корнями повязаны –
Без крови, без мяса уж не оторвать.
Россия, Россия – страна Карамазовых,
Вот только Алеши нигде не видать.

И как разгадать то явление странное?
Быть может, в скиту не встает он с колен?
А может, в лице Алексея Романова
В Ипатьевском доме он был убиен?..

Куда же теперь, без ветрила и правил?..
Толпой смердяковых Алтарь окружен.
Россия, Россия – колодец-журавль,
Все рвешься ты в небо, да камень тяжел.

ЛЮБЯТОВО

Из давних столетий приветствие тихое
Струит эта речка до нашего дня.
И радостно вздрогнув от шага поспешного,
Висячий мосток побаюкал меня.

Сентябрь. Покой. В огородах старушки –
На целой земле терпеливее нет.
Добрейший барбос вопреки своей привязи
Косматым хвостом посылает привет.

Герани в окошках. Коты на завалинках.
Я словно когда-то здесь прежде была.
Резные оградки нестрашного кладбища.
Церквушка-старушка чиста и бела.

Кто знает, кто скажет, зачем я? И кто я?
И где я? В веках заблудилась каких?
Сентябрь. Тишина. Деревушка Любятово,
Кусочек России в клещах городских.

Редет строй. Как мало их осталось...
Цветы алеют. Майский воздух чист.
Но целит в грудь жестокий снайпер – старость,
Последний недобитый их фашист.

Весенний гром, как той войны раскаты,
И облака, как поля битвы дым.
Уходят поседевшие солдаты
К своим однополчанам молодым.

МУЗЫ РОССИИ

*Когда пушки стреляют –
музы молчат.*

Таков исторический опыт:
Коль пушки усердно палят,
Пугливые музы Европы
Стихают под гул канонад.

Но странно: лишь стоит насилью
Жестоко взвести курок,
Слетаются музы в Россию,
Как бабочки на огонек.

Какая такая приманка
На русской земле? В чем секрет,
Что даже конструкторы танков
Рождают поэтов* на свет?

Гремит «бэтээр» на ухабах,
Снарядами пушки плюют,
И музы, как русские бабы,
На крыльях Россию несут.

**Известная российская поэтесса Лариса Васильева – дочь конструктора, создателя танка Т-34.*

Пусть в пути перепутаны знаки,
где гудок парохода немеет,
и на пристани мокнут зеваки,
нас увидеть никто не успеет,
нас услышать никто не успеет,
мы настроили краски и звуки,
только ветер над кронами реет,
дарит листьям восторги и муки,
теплым ливнем вращается лето,
гордым рыком прощаются вепри,
потому, что всё было,
а это —

встреча на нулевом километре...

ПОСЛЕДНИЙ РЫЦАРЬ

Я уйду в который раз,
я обещаю возвратиться.
Ты у меня — последний шанс,
я у тебя — последний рыцарь.
Мы каждый день играем роль,
и, каждый — сам — поодиночке,
мы днем умело прячем боль
и тихо жалуемся ночью.

Мы не считаем наши дни,
пока мы молоды беспечно,
и можем зажигать огни
в своей вселенной бесконечной.
Мы отворачиваем взгляд
от тех, кто мелочны и лживы.
Пока я мыслю, я — богат,
Пока мечтается, мы — живы.

Я уйду в который раз,
я обещаю возвратиться.
Ты у меня – последний шанс,
я у тебя – последний рыцарь.
Когда в туманное стекло
ко мне заглядывает юность,
мне кажется, что все вернулось –
все, что вернуться не могло...

Я танцевал в мокром лесу,
капли рубаху лепили к плечам,
солнце, похожее на лису,
шло на закат по небесным свечам.

В иглы сосны, этот порох лесной,
вечер росу отпускает с небес.
Был я здесь осенью, а весной
словно и не был, а просто исчез.
В северо-западной полосе,
в эхе рождающихся цветов
я, как туман, растворился совсем,
в солнечных арках небесных мостов.

ГАРМОНЬ

Гуляю на ветру, до осени – неделя,
льнут клавиш холода под теплую ладонь.
Обнялся снег с дождем, а я все жду метели,
притертая к плечу походная гармонь.

Мне пальцы-удальцы стирают позолоту,
усталые мехи простужено хрипят
То добрый старый вальс, то песню про пехоту,
и я живу для них уж много лет подряд.

Но вот пришла пора – махнув веслом причалу,
мой Капитан ушел, меня оставив здесь.
Я плакала навзрыд, но в первый раз молчала,
ведь слез моих уже никто не мог прочесть...

Александр СЕБЕЖАНИН (Псков)

РОДИНА

Целый день сегодня небо серое,
Дождичек осенний моросит.
Даже если петь и не умел бы я –
Всё равно запел бы о Руси!

Той Руси, которая заплакана,
Дождиком промочена насквозь,
С небом сиротливым, но однако
Без которой – не прожить мне врозь!

Для меня родное всё навеки:
Лужи, грязь болот и те места,
Где деревни – старые калеки –
Доживают век свой без креста,

Где дома стоят полуразрушены,
А вчера ещё – кипела жизнь...
Ну кому, скажите, люди, нужен был
Выдуманный этот «коммунизм»?!

Но я верю: церкви вновь отстроятся,
Где сейчас разор и пустота,
Засияет Русь моя, как Солнце,
В людях возродится чистота.

И пускай сегодня небо хмурится,
Плачет небо проливным дождём,
Я брожу по улицам, по лужицам –
Хорошо мне с Родиной вдвоём...

ДРУЗЬЯ УХОДЯТ...

Ещё вчера цветастым листопадом
В обнимку с ветром осень танцевала;
И вдруг – затихла... Ничего не надо...
Один тоскует ветер-запевала.

Он завтра закружит с пургою снежною,
Забыв про осень, про красу прощальную,
И станет петь метелям песни нежные,
С позёмкою танцую танцы бальные.

Уходит осень... В память уходящей
Красуется на ветке стойкий листик,
Пришпилен к небу звёздочкой дрожащей,
Зовущей души в мир высоких истин.

Подвластны зову, ввысь взлетают души,
А тело – в землю, листиком последним...
О чём я?.. Да о том, что нужно слушать
Своих друзей и мысли их наследовать!

...Друзья уходят, не успев состариться,
Виски слегка посеребрила проседь.
Душа же вовсе не желает стариться!
Друзья уходят, как уходит осень...

Звёздами вышита неба косынка.
Ластится тихо о берег волна.
Шепчутся, шепчутся робко осинки.
Пахнет духмяным настоем копна.

Ветер улёгся в луга на ночёвку.
Дальней деревни зажглись огоньки.
Крест силуэтом венчает церковку.
Кротко молитву поют тростники.

Тихо на Русь мою ночь опускается,
День суетливый сменяя собой.
Время приходит подумать, покаяться,
Поразмышлять над своею судьбой...

КАК ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ?

Как жизнь прожить,
чтоб не оставить дел
Незавершенных
в суете сует?
Чтоб точно знать,
что всё, что я хотел,
Я сделал? И теперь
я мудр и сед...

Как жизнь прожить,
чтоб в мире не прослыть
Пустых обетов
праздным продавцом?
Любимым быть
и самому любить
Быть добрым сыном,
мужем и отцом?

Чтоб самому построить
теплый дом
И посадить берёзку
у крыльца,
Чтоб сын иль дочь
в согласье жили в нём,
Заветам мудрым
следуя отца;

Чтоб, уходя,
успеть сказать «прости»
Родным, друзьям –
и самому простить,
И за грехи,
что довелось нести,
У Господа
прощенья попросить...

НА ВСЁ ТВОЯ ВОЛЯ

Господи, сил мне дай
Сердцем гореть – не тлеть:
Превозмогу я, знай,
Всё, что ты дашь терпеть.

В скалах возрасту сосной,
Корни вплетя в утёс;
Стану сама скалой –
Радуйся, камнетёс!

Искрой взметнусь огня,
Лавой сползу с вершин,
Глиною стану я –
Делай, гончар, кувшин!

Если решишь, Бог мой,
Что набралась я сил,
Встану в полях травой:
Хочешь, косарь, – коси!

Тихо морской звездой
Лягу на дно глубин,
Стану сырой землёй,
Пахарь – Господь один...

ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ

Горжусь тобою, Псковская земля,
Церквей и храмов белоснежной статью,
Все города твои – родные братья
Вокруг седого Псковского кремля.
Здесь оберегом – Троицкий собор
С холма взметнулся в небо куполами,
Над реками, лесами и полями
Из века в век святой несёт дозор!

Ирина ЯНЕНСОН (Себеж)

Псковский край... И нет земли красивей!
Всё вокруг – озёра и поля –
Псковский, дивный край, моя Россия,
Боль и гордость, Родина моя!

ДЕРЕВНЯ СУТОКИ

Это случится... Однажды...
Приветливым утром...
Воздух насыщенный, влажный
Сверкнёт перламутром,

Луч пробежится по склонам
Земным и небесным,
Путь озаряя к иконам
В церквушке чудесной.

Сердцем хранимые строки
Подхватятся ветром,
Прошлого отзвук – Сутоки –
Услада поэта...

Где в тишине робко внемлешь
Дыханью простора...
Это же Псковщина, Себеж!
Поля да озёра...

Дремлет под летним закатом
Деревня в июне...
В тёмных аллеях когда-то
Здесь хаживал Бунин.

СУХИМ ЛИСТОЧКОМ

Сухим листочком по воде
Уносит лето,
Струну отчаянья задев
В душе поэта.

Уходит август, не спеша,
Роняя звёзды,
Те, что нам ни за полгроша
Сбывают грёзы.

Щедра к нам осень в сентябре
В миг увяданья,
Обнимет, солнышком согрев,
И – до свиданья.

Судьба, судьба, в чём смысла суть?
Всё не напрасно:
Чтоб, умирая, смог шепнуть:
«Жизнь так прекрасна...»

СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ

Листок одинокий
В мелькании света
Взмыл тенью неброской...
Как нежные строки
Российских поэтов...
Под небо Изборска.

Душа улыбнулась
Далёким просторам,
Гуляя на воле...
*Родная Культура –
Для русского слова:
«Словенское поле»...*

СОДЕРЖАНИЕ

Словенское поле – 2012.....	3
Марина ВОЛКОВА (Санкт-Петербург)	
Изборск.....	4
Слово.....	4
В Изборске.....	4
Игорь ИСАЕВ (Псков).....	
«Княгиня Ольга рано умерла».....	6
«Все уплыло и прошло».....	7
«Все перебором, все перемелем».....	7
Людмила СКАТОВА (Великие Луки)	
Изборский шиповник.....	8
Алёна ЖЕГЛОВА (Великие Луки).....	
В краю лесных озёр.....	10
Большая медведица.....	10
Татьяна КИТАЕВА (Москва)	
Триптих.....	12
Александр ПЕТРОВ (Псков)	
«Вот, уже не спится с пяти утра».....	14
«Пиши, пиши».....	14
Андрей КРАДЕНОВ (Москва)	
Лихолетье времён.....	16
Последний аккорд.....	16
Памяти Саввы Ямщикова.....	17
Вера СЕРГЕЕВА (Псков)	
Колокольный звон.....	18
«Русь моя, тыщекрылая мельница».....	18
«Храни меня, мой крест нательный».....	19
Андрей МИШЕНЦЕВ (Псков)	
«За все Тебя благодарю».....	20
«Ритм биения Сердца».....	20
Кленовый лист.....	21
Наталья ЛАВРЕЦОВА (Пушкинские Горы)	
Белый всадник.....	22
Псковским названиям.....	23
Светлана ПАРАМОНОВА (Великие Луки)	
«Стога, стога, поля, поля и небо».....	24
К земле Изборской.....	25

Фёдор НАЗАРОВ (Москва)	
Первого дня	26
Мария	26
Яна САВИНОВА (Санкт-Петербург)	
Осенний пейзаж с деревом.....	28
«Сняв со стола патефон, со стены рога».....	28
Андрей КАНАВЩИКОВ (Великие Луки)	
Вечная Русь.....	30
Запад.....	30
Изборск	31
Андрей БЕНИАМИНОВ (Псков)	
«Молотом по наковальне»	32
«А тишина осталась тишиной»	33
Перекрестимся?.....	33
Вита ПШЕНИЧНАЯ (Псков)	
Старый Изборск	34
Крещение	34
«Навести бы курсор на этот день»	35
«И под шёпот разногласный»	35
Людмила ТИШАЕВА (Псков)	
Труворов крест	36
Вечер	36
Изборско-Мальская долина.....	37
Не обозлись, душа.....	37
Ларина ФЕДОТОВА (Псков)	
Родина	38
Неизбывный дух.....	38
На взгорке	39
«Над речкою туман клубится, словно ладан...»	39
Эдуард ПЕТРЕНКО (Печоры)	
Отсюда Русь!	40
Ровесник Победы	40
«Если будет Россия»	41
Анвар ТАВОБОВ (Москва)	
Этот птиц слепящий пыл.....	42
Когда уходят стрелять.....	42
Андрей ВЛАСОВ (Великие Луки)	
«Когда твоей крестной муки срываю кран»	44
«Все пройдет и проходит, а Ты проходить не спеши».....	44
«Никакая польза или выгода»	45
«Жизнь катится под гору, словно состав в благодать»	45

Ирена ПАНЧЕНКО (Псков)	
В Изборске.....	46
«Выбегала резво на пригорок».....	47
Валентина АЛЕКСЕЕВА (Псков)	
Страна карамазовых.....	48
Любятово.....	48
«Редет строй. Как мало их осталось...».....	49
Музы России.....	49
Игорь ПЛОХОВ (Псков)	
«Пусть в пути перепутаны знаки».....	50
Последний рыцарь.....	50
«Я танцевал в мокром лесу».....	51
Гармонь.....	51
Александр СЕБЕЖАНИН (Псков)	
Родина.....	52
Друзья уходят.....	52
«Звёздами вышита неба косынка».....	53
Тамара СОЛОВЬЁВА (Псков)	
Как жизнь прожить?.....	54
На всё твоя воля.....	55
Псковская земля.....	55
Ирина ЯНЕНСОН (Себеж)	
«Псковский край... И нет земли красивей».....	56
Деревня Сутоки.....	56
Сухим листочком.....	57
Словенское поле.....	57

Корректор О. Чумакова

Подписано в печать 03.12.2012. Формат 60x90/16
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Печ. л. 3,75
Издательство «ЛОГОС Плюс»
180000, Псков, Октябрьский просп., 50, корп. 1, оф. 6
E-mail: izd-logos@yandex.ru
Отпечатано в типографии ООО «ЛОГОС Плюс».
Заказ № 1235. Тираж 310 экз.